

УДК 159.9.07

Зиновьева Е.В., Казанцева Т.В., Плешкова А.Н.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Возможности эмпирического исследования проективной идентификации

The Opportunities of the Empirical Research of Projective Identification

Аннотация

В статье обсуждаются возможности эмпирического исследования проективной идентификации. Описывается динамика развития представлений о проективной идентификации, отмечается смена акцентов с защитной функции на метакоммуникативную, актуализирующуюся, как правило, в пространстве близких диадических отношений. Представлен аналитический обзор эмпирических методов исследования проективной идентификации, имеющийся в отечественной и зарубежной психологии на сегодняшний день, по результатам которого делается вывод о возможности исследования проективной идентификации, о наличии исследовательского «крена» при ее изучении. С одной стороны, исследуется только метакоммуникативная составляющая посредством анализа стенограмм психотерапевтических сессий (в отечественной психологии). С другой – проективная идентификация выступает как особенность личности, характеризующая склонность к защитному дезадаптивному поведенческому паттерну, через самооценочные опросники (в зарубежной психологии). Утверждается необходимость разработки нового метода, который должен интегрировать оба модуса проективной идентификации – как защитного механизма личности и как метакоммуникативного механизма, описывающего интеракционный компонент межличностных отношений.

Ключевые слова: проективная идентификация, метакоммуникация, клиент-терапевтические отношения, методы исследования

Abstract

The article discusses the opportunities of the empirical research of projective identification. The dynamics of the development of projective identification concepts is described; as well as the change in research focus - from the focus on protective function of projective identification to its metacommunicative aspect which is fully actualized in close dyadic relationships. Empirical research methods of projective identification within Russian and international psychology are reviewed. It is concluded that it is possible to measure projective identification, though there is a conceptualization bias in its studies. On the one hand, only metacommunicative functions are examined by means of psychotherapeutic sessions' transcripts analysis (in Russian psychological tradition). On the other hand, projective identification is considered as a personality attribute of a tendency to protective maladaptive behavioral patterns and thus is examined by means of self-report questionnaires (in international psychological tradition). The need to develop a new method which should bring together both modalities of projective identification, as a defense mechanism and as a metacommunication mechanism, is stated.

Keywords: projective identification, metacommunication, client-therapist relationship, research methods

Введение

С начала проведения первых исследований в сфере психологического консультирования и по сей день остается нерешенным вопрос – что именно приводит к успеху: характеристики клиента (мотивация, уровень организации личности и т.д.), терапевта (личность, опыт и т.д.), подхода (техники, приемы и т.д.) или отношений (рабочий альянс, перенос, контрперенос и т.д.) (Miller et al., 2014).

Именно на последних факторах фокусируется интерес исследователей с начала 70-х годов и до сегодняшнего времени. Специалисты пришли к выводу, что факторы эффективности терапии, относящиеся к консультанту, составляют 5-9% дисперсии, к отношениям – 5% , что гораздо больше, чем вклад конкретного метода (0-1%) или эффект плацебо (0-4%). Согласно S. Baldwin с соавторами, 97% различий в исходе терапии относятся к различиям в клиент-терапевтических отношениях, а различия в клиентах не связаны с результатом терапии (Baldwin et al., 2007).

За это время делались попытки выделения структурных единиц отношений (Luborsky et al., 1988; Horowitz, 1979), структуры сознания (Dahl, 1988) и др. Параллельно изучался процесс формирования отношений (Gill, Hoffman, 1982; Weiss, Sampson, 1986). Активно проводился анализ стенограмм и видеозаписей сессий, с привлечением методов лингвистики (дискурс-анализ, интент-анализ и т.д.). Появлялись методы микроанализа невербальных аспектов клиент-терапевтического взаимодействия. Например, в работах R. Krause посредством анализа тонких мимических реакций исследовались эмпирические референты процессов переноса-контрпереноса (Krause, 1988).

Именно перенос и контрперенос стали краеугольным камнем в исследованиях диады «клиент-терапевт». Этому есть ряд причин, и, прежде всего, тот факт, что эти два понятия, вышедшие из психодинамической парадигмы, постепенно стали сквозными для большинства моделей

консультирования и психотерапии. Специфика переносных и контрпереносных реакций обсуждается в них под разными названиями, включающими символические отношения, внутренний голос/наблюдатель терапевта, смысл клиент-терапевтических отношений, динамическое взаимодействие внутриличностных миров и другие (Kiesler, 2001).

Однако за исследованиями переноса и контрпереноса был незаметен еще один феномен, имеющий психодинамические корни и напрямую относящийся к клиент-терапевтическим отношениям – это проективная идентификация. Проективная идентификация в своем узком значении долгое время мало интересовала исследователей, и представлялась лишь как трудно операционализируемый теоретический конструкт. Постепенно трансформируясь, принимая новый облик как интерперсонального концепта с акцентом на ее коммуникативной функции, она стала выходить из тени и занимать значимое место в ряду понятий, обслуживающих описание взаимоотношений между клиентом и терапевтом.

Понятие проективной идентификации

Впервые механизм проективной идентификации как бессознательного механизма психологической защиты был описан Мелани Кляйн в 1946 г. Она определила проективную идентификацию как прообраз агрессивных объектных отношений в виде анальной атаки на объект посредством внедрения в него частей Эго. Цель внедрения – овладение объектом или установление контроля за ним (Хиншелвуд, 2007). После ее смерти в 1960 году последователи стали активно разрабатывать это понятие, что привело к многозначности его толкования, с одной стороны, и смены фокуса внимания с диады «мать и дитя» на диаду «клиент-терапевт» – с другой. В 50-е годы появляются представления о проективной идентификации как о своего рода коммуникативном образовании, что позволяет психоаналитику через понимание природы и средств навязываемой интеракции занять в

последней конструктивную позицию (Рождественский, 2001). Развивается интерперсональная концепция проективной идентификации, связанная с именами Т. Огдена, П. Кейсманта, О. Кернберга, Ш. Кашдана и др.

В работах Уилфреда Биона проективная идентификация связана с «эвакуацией» в Другого своего душевного состояния с целью обретения контроля над ним через контроль этого человека, и рассматривается как самая важная форма взаимодействия между пациентом и терапевтом как в индивидуальной терапии, так и в группах любого типа (Bion, 1967b).

Томас Огден, анализируя работы ряда психоаналитиков (А. Фрейд, Дж. Сандлер и др.), говорит о проективной идентификации как о сложном клиническом событии межличностного характера: человек отчуждает чувства и манипулятивно побуждает другого их переживать, за чем следуют видимые изменения в них обоих (Ogden, 1982). Он подчеркивает, что проективная идентификация – это базовая единица исследования терапевтического отношения (Огден, 2001).

Е.Т. Соколова считает, что проективная идентификация относится скорее не к коммуникации как таковой, а к метакоммуникации, поскольку процесс побуждения другого к переживанию определенных чувств и состояний предполагает наличие скрытых посланий-требований, посредством которых и осуществляется манипуляция. Анализируя работы представителей современного психоанализа (J. Grotstein, T. Ogden, J. Sandler, S. Cashdan, J. Scharff), она выделяет три основных типа таких требований со стороны условного «отправителя», которые могут развернуться в пространстве отношений: требование контроля над неуправляемыми чувствами Я (W. Bion, H. Rosenfeld, D. Winnicott, P. Casement), требование ответственности за «плохие» чувства и части Я (T. Ogden, S. Cashdan, O. Kernberg); требование признания «хорошести» Я (N.G. Hamilton). В результате этих метапосланий-требований у «адресата» будет появляться ощущение беспомощности, неконтролируемой тревоги, злости, зависимости

и т.д. Передаваться эти скрытые метапослания могут как с помощью вербальных средств, так и с помощью невербального поведения (Соколова, 2006).

В проективной идентификации, по ее мнению, обнаруживаются метакоммуникативные дезадаптивные интерперсональные паттерны, складывающиеся у человека в период раннего детства с целью вынуждения других людей, ответственных за выживание, вести себя определенным образом (Соколова, Чечельницкая, 1997).

Шелдон Кашдан (Cashdan, 1988) в конце 80-х разработал типологию проективной идентификации и выделил ее четыре основных типа. Для каждого типа, или стиля, он описал позицию, которую человек занимает в отношениях, скрытое послание партнеру по отношениям, а также индуцируемое в партнере состояние (таблица 1). Терапевт, анализируя свои контрпереносные реакции, может определить, запущено ли оно механизмом проективной идентификации, актуализировавшимся у клиента, и если да, то какого именно типа.

Таблица 1 – Стили проективной идентификации (по: S. Cashdan, 1988, p.77)

Проективная идентификация	Позиция в отношениях	Метакоммуникативное послание	Индукция
Зависимость	Беспомощность	Я не смогу выжить	Забота
Власть	Контроль	Ты не сможешь выжить	Некомпетентность
Сексуальность	Эротизм	Я сделаю тебя сексуально наполненным	Возбуждение
Инграция	Самопожертвование	Ты мне должен	Признание

Он представил основные этапы разворачивания проективной идентификации: на первом этапе желания, вызванные проективной фантазией, трансформируются в метакоммуникативные сообщения, предназначенные контролировать поведение реципиента. На втором реципиент завлекается в рамки образа, задаваемого той или иной проективной идентификацией, оказываясь в определенной позиции в

отношениях. На третьем этапе происходит индукция соответствующего состояния у реципиента.

На наш взгляд, это одна из самых продуктивных и разработанных концепций проективной идентификации на сегодняшний день.

Таким образом, динамика развития представлений о проективной идентификации привела к тому, что из теоретического конструкта, связанного с описанием работы бессознательного, она перешла в класс межличностных поведенческих феноменов, который потенциально может быть подвергнут объективной проверке.

Стоит отметить, что в настоящее время наблюдается быстрое уменьшение полезности понятия, поскольку оно становится ярлыком для всех межличностных феноменов. Согласно представителям Клайнианской школы, если проективную идентификацию применяют в условиях реалистической оценки самости и объекта, иначе говоря, оценки своего Я и Другого, то в таком случае данный термин сводится к простой проекции и порождает путаницу (Хиншелвуд, 2007).

Исследования проективной идентификации

Обзор Р. Chatham 170 журнальных статей и 60 диссертаций, опубликованных с начала 90-х, выявил практически полное отсутствие эмпирических исследований проективной идентификации, несмотря на активное использование данного понятия в практике (Chatham, 2009). Некоторые авторы полагают, что современные методы слишком просты, чтобы добавить что-либо существенное к клиническим наблюдениям. Неосознаваемые процессы, по их убеждениям, можно изучать только через нелинейность мыслей клиента и терапевта (Gerber, 2002).

Тем не менее, нам удалось обнаружить ряд исследований, как в отечественной, так и в западной психологии, посвященных эмпирическому исследованию проективной идентификации.

В отечественной психологии исследования проективной идентификации представлены работами Е.Т. Соколовой, Н.С. Бурлаковой и Е.П. Чечельницкой, в которых изучается взаимодействие в диаде «клиент-терапевт» с использованием анализа клиентских нарративов, вербальных интервью, транскриптов или видеозаписей сессий.

Е.Т. Соколова и Н.С. Бурлакова в конце 90-годов разработали метод диалогического анализа вербальных текстов (Соколова, Бурлакова, 1997). С его помощью была осуществлена попытка реконструкции внутреннего диалога, который определяется как внутренняя коммуникация Я и Другого. Этот метод был разделен на подтипы:

- ответно-диалогический – анализируются ответы, появляющиеся во взаимодействии клиента и терапевта в результате проекции на некий стимул – реплики диалога, действия другого человека или воображаемой персоны, – иначе говоря, ответ на высказывание именно значимого Другого во внутреннем диалоге;
- метод внутрдиалогического анализа, или поиск внутри определенных высказываний (реплик диалога) свернутых диалогических отношений – высказывание расчленяется на интенциональные элементы, удерживающие разные моменты внутреннего диалога, и ищутся особенности диалогических отношений между элементами, которые могут выражаться, в частности, в логической противоречивости, непоследовательности;
- функционально-структурный метод анализа действий терапевта и психотерапевтической деятельности – посредством этого метода через высказывания анализировались сами действия терапевта и то, как они осуществлялись. Затем, исходя из последующего ответа пациента, определялся ведущий модус функции действия, а также достижение или недостижение первоначально заложенного психотерапевтического

замысла. После этого выделенные функции сводились в более широкий класс функций в рамках отдельной встречи и процесса в целом.

По мнению Соколовой и Бурлаковой, реконструируя внутренний диалог, возможно выделить и описать проективные идентификации, возникающие в клиент-терапевтическом взаимодействии. Эмпирическим материалом работы служили тексты-транскрипты психотерапевтических сессий. В результате исследования было подтверждено, что проективная идентификация власти и проективная идентификация зависимости исходят из первичного нарушения отношений с матерью и связаны с поиском поддержки и опоры вовне себя (Соколова, Бурлакова, 1997).

Этот же метод использовался при эмпирическом изучении проективной идентификации у детей дошкольного возраста с психическими особенностями пограничного типа (Бурлакова, 1998). В данном случае анализировались не транскрипты сессий, а материалы, полученные в результате проективных диагностических процедур (свободного рисования и рисования на заданные темы; спонтанной и ролевой игры; анализа фантазийных образов и др.).

В работе Е.Т. Соколовой и Е.П. Чечельницкой был также использован этот методический прием, но уже с применением процедуры моделирования. По их мнению, проективные методики за счет неопределенности стимульного материала актуализируют у реципиента присущие ему способы тестирования реальности и психологические защиты. Поскольку в процессе интерпретации данных проективных методик учитывается коммуникативный контекст (особенности поведения испытуемого, характеристики контакта) и то, что имеют место устойчивые переносные реакции, проективный текст можно рассматривать как адресующийся психологу и одновременно значимому Другому, представленному в интрапсихическом испытуемого. В качестве проективной методики выступил «Тест объектных отношений» (The Object Relations Technique, H. Phillipson), стимульный материал которого

совмещает структурную и содержательную неопределенность. Инструкция заключалась в предложении рассказать, что происходит на картине в настоящий момент, чем заняты люди на картине, что они могут чувствовать, о чем думать, что могло привести к этой ситуации, что произойдет с этими людьми в дальнейшем. По мнению авторов, получаемый проективный текст по механизму проективной идентификации направлен на насильственное вызывание в Другом (в данном случае в психологе) определенных переживаний, манипулирование его состоянием. Соответственно, все эмоциональные реакции психолога на пациента являются контрпереносными и содержат данные о внутреннем опыте пациента, передаваемые им в ходе проективной идентификации. Таким образом, проективные тексты рассматриваются как метакоммуникативные послания Другому. Анализируются не только тексты и невербальное поведение (вздохи, паузы, всхлипывания) того, кто рассказывает, но и чувства психолога. Результат исследования позволил выделить три основных типа метапосланий. Метапослания первого типа направлены на манипулирование способностью Другого к визуальному восприятию происходящего, позволяя спрятаться от взора Другого, либо, наоборот, оказаться в поле его зрения. Метапослания второго типа предупреждают Другого о необходимости оценки своих способностей к сопереживанию. Метапослания третьего типа сигнализируют о необходимости вслушиваться в слова проективного рассказа, о стремлении быть услышанным и почувствовать отклик Другого на свои слова (Соколова, Чечельницкая, 1997).

В западной психологии основное направление исследований проективной идентификации связано с разработкой и применением опросников, оценивающих ее прямо или косвенно. В отличие от отечественных исследователей, западные ученые фокусируются на исследовании склонности к проективной идентификации как дезадаптивного паттерна поведения в любых межличностных отношениях, а не только в

клиент-терапевтических (некоторым образом отдаляясь от идеи влияния переноса на появление проективной идентификации).

Среди них можно упомянуть исследования, связанные с разработкой и использованием методики «Опросник повседневной жизни» И. Полсона (Daily Living Inventory (PDLI), I. Paulson), которая была создана группой Полсона в Университете Южной Калифорнии для оценки проективной идентификации в близких отношениях (Paulson, 1978). В основу опросника легла теория объектных отношений М. Кляйн; он состоит из 60 пунктов, имеет 5 шкал, предполагает ответы «да-нет». Авторами выделено четыре типа проективной идентификации: 1) «Преследующий родитель по отношению к ребенку»; 2) «Ребенок по отношению к преследующему родителю»; 3) «Идеальный родитель по отношению к ребенку»; 4) «Ребенок по отношению к идеальному родителю». Предполагается, что ответы отражают внутреннюю позицию индивида по отношению к партнеру. Так, шкала «Преследующий родитель по отношению к ребенку» содержит вопросы, ставящие отвечающего в позицию «матери», а его партнера – в позицию «ребенка» (пример: «Если бы он не был таким упрямым и следовал моим советам, большая часть наших проблем была бы решена»). Таким образом, шкала отражает восприятие себя как более сильного и содержит негативную установку к партнеру. Шкала «Ребенок по отношению к преследующему родителю», предполагает погружение отвечающего в роль ребенка (пример: «Он заставляет меня чувствовать себя глупо, если я чего-то не знаю»). Смысл шкалы в том, что человек чувствует себя в бессильной позиции, а другого воспринимает негативно, как преследующего. Примеры вопросов шкалы «Идеальный родитель по отношению к ребенку»: «Если происходит что-то неприятное, я стараюсь утешить его» – субъект воспринимает партнера как «уязвимого младенца», которому нужна забота. Шкала «Ребенок по отношению к идеальному родителю» отражает восприятие партнера в качестве «идеальной матери», которая заботится и

защищает (например: «Если случается неприятность, я сразу же говорю ему, потому что он обычно знает, что делать»). Критериальная валидность шкал составила от 0,68 до 0,95, надежность – от 0,88 до 0,97. Первые две шкалы представляют собой обесценивающее отношение к партнеру, а вторые две – идеализирующие партнера. Идеализирующая проективная идентификация представляет собой «перемещение» идеализированных частей «Я» в Другого, и связывается с желанием быть ближе к партнеру, при этом Другой находится либо в позиции получающего помощь и защиту, либо в позиции оказывающего ее. Таким образом, согласно И. Полсону, проективная идентификация выполняет функцию компенсации внутренней ранимости и уязвимости. Отношения на основе идеализации характеризуются эмоциональной созависимостью, спутанностью, наполнены тревогой (Kovacs, 1996).

Данная методика также была использована в изучении домашнего насилия (Zosky, 2000). Было обнаружено, что проективная идентификация по типу преследования связана у агрессивных мужей с низкой самооценкой, склонностью к стыду, жестокостью и низким качеством близких отношений. Также были определены личностные детерминанты проективной идентификации – во всех случаях она связана с низкой межличностной дифференцированностью.

В своих исследованиях Ф. Алкан (Alkan, 2010) предлагает оценивать проективную идентификацию косвенно, через конструкты «расщепление» (методика Splitting Scale (Gerson, 1984)) и «нарушения процесса сепарации-индивидуации» (методика Separation Individuation Inventory, SII (Christenson, Wilson, 1985)) как ее наиболее близкие теоретические корреляты. Она обнаружила, что проективная идентификация связана с ранними дезадаптивными схемами (по Дж. Янгу), а партнеры в отношениях оказываются в комплементарных позициях по типу проективной идентификации.

Турецкими психологами (Кауа, Selic, 2012) была предпринята попытка создать самооценочную шкалу проективной идентификации. Шкала предназначена для оценки склонности к четырем типам проективной идентификации Ш. Кашдана, описанных выше. Она включает четыре подшкалы и состоит из 30 вопросов. В утверждениях отражены поведенческие признаки того или иного типа проективной идентификации, отобранные авторами по литературным источникам и по суждениям экспертов. Изначальные 94 пункта были подвергнуты многоэтапному анализу, в финальной версии их осталось 30, с удовлетворительной надежностью подшкал (от 0,66 до 0,95) и высокой конструктивной валидностью. Пример утверждений из шкалы «Проективная идентификация зависимости»: «Если я не буду жить с кем-то, у меня начнется депрессия»; из шкалы «Проективная идентификация власти»: «Мои друзья не смогут жить без такого человека, как я»; из шкалы «Проективная идентификация сексуальности»: «Моя самая важная цель состоит в том, чтобы удовлетворить свои сексуальные потребности в отношениях»; из шкалы «Проективная идентификация инграциации»: «Я постоянно стремлюсь угодить другим». Как отмечают сами разработчики, методика требует пересмотра – уравнивания подшкал по количеству вопросов и надежности, дополнительной валидации.

Другой вектор исследований проективной идентификации в западной психологии также связан с оценкой склонности к использованию проективной идентификации, но уже с использованием иной методической процедуры и подхода.

Так, в отдельных работах предлагалось использовать проективные картинки типа ТАТ для оценки проективной идентификации по следующим критериям: аффилиативного доверия-недоверия (McCaу, 1991), сложности представлений о людях, способности к эмоциональному вложению, аффективного тона отношений, понимания социальной каузальности

(Westen, 1991). Также предлагался анализ снов и ранних воспоминаний, однако указывалось, что эти методы трудоемки и требуют тщательной подготовки экспертов.

В исследовании А. Шестопаля с коллегами (Shestopal, 1995), проективный метод исследования проективной идентификации совмещался с методом моделирования.

А. Шестопаля с коллегами разработали интерактивную компьютерную технологию для оценки склонности к проективной идентификации (методика CORPI). Она включала два компонента – проективные истории с вопросами к ним и перечень прилагательных для самооценки и оценки главного героя (методика ACL). Перечень состоит из 197 прилагательных и включает 10 шкал, связанных с проявлениями личности в отношениях, в том числе «доминантность», «заботливость», «аффилиация», «автономия» и др.

Две проективные истории для оценки проективной идентификации были созданы по мотивам случаев, описанных в работах Т. Огдена. Тема первой истории формулировалась как «Проективная идентификация зависимости», тема второй истории – «Проективная идентификация власти». Сюжеты строятся по единому плану: в них герой или героиня страдает от детской психологической травмы, потом отыгрывает ее во взрослом возрасте в близких отношениях, вследствие чего получает дезадаптивные отношения. После ознакомления с историями участникам предлагались прямые вопросы, ответы на которые позволяют оценить степень понимания ими описанных психологических процессов.

Общая процедура заключалась в следующем: предварительно участнику исследования давался список прилагательных для оценки себя, это давало возможность получить представление о его Я-концепции; предоставлялась возможность выбрать пол и имя героя (таким образом, усиливалась степень идентификации с ним), после чего на компьютере появлялась история от лица этого героя; задавались вопросы о силе

эмоционального отклика, о чувствах и мыслях по поводу истории; давался тот же список прилагательных, что и на первом этапе, но задача уже была оценить главного героя истории. Вся процедура повторялась, начиная со второго этапа, с другой историей.

Для оценки степени идентификации сравнивались личностные оценки себя и героя по списку прилагательных. Чем больше идентификация с героем истории, тем сильнее склонность к дисфункциональной проективной идентификации. Обнаружено, что проективная идентификация связана с депрессией, тревогой и агрессией, с пограничными расстройствами личности. Половых различий в частоте проявлений проективной идентификации не выявлено (Shestopal, 1995).

При анализе эмпирических исследований проективной идентификации в зарубежной психологии обращает на себя внимание отсутствие работ, где предметом исследования проективной идентификации является ее метакоммуникативный аспект.

Нами был обнаружен лишь методический ход, предложенный Р. Chatham для исследования проективной идентификации в этом аспекте (Chatham, 2009).

Она предлагает следующую процедуру исследования:

- в ходе клинического наблюдения исследователь определяет невербальные сигналы или встроенные в комментарии клиента повторяющиеся темы межличностных конфликтов, или сдвиг в поведении (соблазнение), или высказывания со множественными значениями, важные для понимания клиентской истории;
- изучает восприятие терапевта, который может интуитивно чувствовать какое-то давление; на этом этапе можно использовать самоотчеты терапевта;
- изучает реакции пациента, включающие потенциальное обучение на примере реакции терапевта.

Автор приходит к выводу о том, что необходим метод оценки эффекта всех типов интервенций и реакций терапевта.

Заключение

В настоящее время понятие проективной идентификации становится очень размытым и расплывчатым. Существует тенденция описывать через проективную идентификацию множество феноменов, возникающих в межличностных отношениях (например, эмпатию), и все чувства, возникающие у терапевта в ходе коммуникаций с клиентом. В связи с этим одной из теоретических задач должно стать четкое определение, что является проективной идентификацией, а что – нет, и в этом смысле, с нашей точки зрения, перспективным является подход Ш. Кашдана.

Анализ существующих исследований проективной идентификации показал, что они различаются по следующим основаниям: фокус исследования, теоретический подход к пониманию проективной идентификации, метод оценки проективной идентификации и лежащая в основе исследования методическая процедура.

В фокусе исследования может быть либо межличностное взаимодействие (между клиентом и терапевтом, между супругами и др., при этом анализируются процессуальные характеристики), либо склонность к проективной идентификации как к дезадаптивному паттерну поведения, ее связь с личностными особенностями.

В зависимости от теоретического подхода исследуются либо защитные, либо коммуникативные функции проективной идентификации.

В самом общем виде методы оценки проективной идентификации можно разделить на прямые (самооценочные опросники) и косвенные (проективные методики, контент-анализ). Что касается методической процедуры, то здесь можно выделить констатирующую и моделирующую формы.

Отсутствие достаточного количества эмпирических проверяющих моделей не привело к угасанию интереса к проективной идентификации, наоборот, стимулировало распространение его на все аспекты межличностных отношений – семейных, супружеских, организационных, а не только клиент-терапевтических (Хиншелвуд, 2007). В связи с этим назрела необходимость появления нового метода, который имел бы в своей основе четкое определение проективной идентификации, ее частей и взаимодействия между ними, отличия от других родственных понятий, и учитывал при этом всю ее многогранность. Существующие работы доказывают возможность ее исследования и перспективность появления такого метода. Однако в отличие от уже имеющихся, он должен интегрировать оба модуса проективной идентификации – как защитного механизма личности и как метакоммуникативного механизма, описывающего интеракционный компонент межличностных отношений.

Список использованных источников

- Бурлакова Н.С. Особенности проективной идентификации у детей с нарушениями по «пограничному типу» // Журнал практического психолога, 1998. № 3. С. 52-60.
- Огден Т. Мечтание и интерпретация. Ощущая человеческое. М., Класс. 2001. 160 с.
- Рождественский Д.С. Новые заметки о проективной идентификации // Вестник психоанализа, 2001. № 2. СПб., НФП. С. 39-44.
- Соколова Е.Т. Психотерапия: теория и практика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., Издательский центр «Академия». 2006. 368 с.
- Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С. К обоснованию метода диалогического анализа случая // Вопросы психологии, 1997. № 2. С.61-76.
- Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. О метакоммуникации в процессе проективного исследования пациентов с пограничными личностными расстройствами // Московский психотерапевтический журнал, 1997. № 3. С.15-38.
- Хиншелвуд Р.Д. Словарь кляйнианского психоанализа. М., Когито-Центр. 2007. 576 с.
- Alkan F.S.G. Coupling through projective identification: bridging role of projective identification in the associations among early parenting experience, personality constructs and couple relationship. PhD diss. Middle East Technical University, 2010.

- Baldwin S., Wampold B., Imel Z. Untangling the alliance-outcome correlation: Exploring the relative importance of therapist and patient variability in the alliance. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 2007. Vol. 75. Pp.842-852.
- Bion W.R. Notes on memory and desire. *Psycho-analytic Forum*. 1967. Vol. 2(3). Pp. 271-280.
- Cashdan S. *Object relations therapy: Using the relationship*. New York, Norton & Company, 1988.
- Chatham P. M. Projective identification. In: *Handbook of contemporary psychotherapy: Toward an improved understanding of effective psychotherapy*. 2009. Pp.227-247.
- Dahl H. Frames of mind. *Psychoanalytic process research strategies / Eds. H. Dahl, H. Kaechele, H. Thomae*. New York, 1988. Pp. 51-66.
- Gerber A.J. Review of the book «Clinical and observational psychoanalytic research: Roots of a controversy». *Division of Psychoanalysis. American Psychological Association*. 2002. Pp.67-70.
- Gill M.M., Hoffman I.S. *Analysis of transference. V. II. Studies of nine audiotaped psychoanalytic sessions*. New York, Intern. Univ. Press, 1982.
- Horowitz M.Z. *States of mind: Analysis of change in psychotherapy*. N.Y., L.: 1979.
- Kaya M., Çelik E. Projective identification: the study of scale development, reliability and validity. *The Online Journal of Counselling and Education*. 2012. Vol.1(2). URL: <http://www.tojce.com/frontend/articles/pdf/v01i02/2012-1,2.pdf>
- Kiesler D.J. Therapist countertransference: In search of common themes and empirical referents. *Journal of Clinical Psychology*, 2001. Vol.57(8). Pp.1053-1063.
- Kovacs G.S. *Impact of projective identification, shame proneness, level of empathy and self-esteem on couple relationship satisfaction*. Doctoral Dissertation, California School of Professional Psychology, Los Angeles Campus: ProQuest Dissertations & Theses. 1996.
- Krause R., Luetolf P. Facial Indicators of transference processes within psychoanalytic treatment / Ed. H. Dahl et al. 1988. Pp. 241-256.
- Luborsky L., Crits-Christoph P., Mintz J., Auerbach A. *Who Will Benefit From Psychotherapy*. N.Y., Basic Books, 1988.
- McKay J.R. Assessing aspects of object relations associated with immune function: Development of the Affiliative Trust-Mistrust coding system. *Psychological Assessment. A Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1991. Vol.3(4). Pp. 641-647.
- Miller S.D., Hubble M.A., Chow D.L., Seidel J.A. The outcome of psychotherapy: Yesterday, today and tomorrow. *Psychotherapy in Australia*, 2013. Vol.50(1). Pp.88-97.
- Ogden T.H. *Projective Identification and Psychotherapeutic Technique*. Northvale, N.J., Jason Aronson, 1982.
- Paulson I. *Projective identification in family interaction – a methodological study*. Unpublished dissertation, University of Southern California, United States – California. 1978.
- Sandler J. (Ed.) *Projection, identification, projective identification*. Madison (CT): Intern Univ. Press. 1987.
- Scharff J.S., Scharff D.E. Object relations couple therapy. *American Journal of Psychotherapy*, 1997. Vol.51. Pp.141-173.
- Shestopal A.L. *Empirical investigation of projective identification styles in college students*. Master Thesis, University of Massachusetts Amherst, 1995.
- Weiss J., Sampson H. *The psychoanalytic process: theory clinical observation and empirical research*. N.Y., 1986.

- Westen D. Clinical assessment of object relations using the TAT. *Journal of personality assessment*, 1991. Vol.56(1). Pp.56-74.
- Zosky D.L. Projective identification as a contributor to domestic violence. *Clinical Social Work Journal*, 2003. Vol.31. Pp.419-431.

References

- Burlakova N.S. Osobennosti proektivnoj identifikacii u detej s narushenijami po «pogranichnomu tipu» [Features of projective identification in children with the «borderline type» disorders]. *Zhurnal prakticheskogo psihologa*. 1998. № 3, pp. 52-60. (In Russian)
- Ogden T. Mechtanie i interpretacia. Oshchushchaya chelovecheskoe [Reverie and Interpretation. Sensing Something Human]. Moscow, Klass Publ., 2001. (In Russian)
- Rozhdestvensky D.S. Novye zametki o proektivnoj identifikacii [New notes on projective identification]. *Vestnik psihoanaliza*. 2001 № 2. St. Petersburg, NFP Publ., pp. 39-44. (In Russian)
- Sokolova E.T. Psihoterapija: teorija i praktika: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Psychotherapy: Theory and Practice: Manual for graduate students]. Moscow, Izdatel'skij centr «Akademija», 2006. (In Russian)
- Sokolova E.T., Burlakova N.S. K obosnovaniju metoda dialogicheskogo analiza sluchaja [Revisiting the validation of the dialogic case analysis method]. *Voprosy psihologii*. 1997. № 2, pp.61-76. (In Russian)
- Sokolova E.T., Chechelnitskaya E.P. O metakommunikacii v processe proektivnogo issledovanija pacientov s pogranichnymi lichnostnymi rasstrojstvami [Metacommunication in the process of projective studies of patients with borderline personality disorders]. *Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal*. 1997. № 3, pp.15-38. (In Russian)
- Hinshelwood R.D. Slovar' kljajnianskogo psihoanaliza [A Dictionary of Kleinian Thought]. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2007. (In Russian)
- Alkan F.S.G. Coupling through projective identification: bridging role of projective identification in the associations among early parenting experience, personality constructs and couple relationship. PhD diss. Middle East Technical University, 2010.
- Baldwin S., Wampold B., Imel Z. Untangling the alliance-outcome correlation: Exploring the relative importance of therapist and patient variability in the alliance. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 2007. Vol. 75. Pp.842-852.
- Bion W.R. Notes on memory and desire. *Psycho-analytic Forum*. 1967. Vol. 2(3). Pp. 271-280.
- Cashdan S. Object relations therapy: Using the relationship. New York, Norton & Company, 1988.
- Chatham P. M. Projective identification. In: *Handbook of contemporary psychotherapy: Toward an improved understanding of effective psychotherapy*. 2009. Pp.227-247.
- Dahl H. Frames of mind. *Psychoanalytic process research strategies* / Eds. H. Dahl, H. Kaechele, H. Thomae. New York, 1988. Pp. 51-66.

- Gerber A.J. Review of the book «Clinical and observational psychoanalytic research: Roots of a controversy». Division of Psychoanalysis. American Psychological Association. 2002. Pp.67-70.
- Gill M.M., Hoffman I.S. Analysis of transference. V. II. Studies of nine audiorecorded psychoanalytic sessions. New York, Intern. Univ. Press, 1982.
- Horowitz M.Z. States of mind: Analysis of change in psychotherapy. N.Y., L.: 1979.
- Kaya M., Çelik E. Projective identification: the study of scale development, reliability and validity. The Online Journal of Counselling and Education. 2012. Vol.1(2). Available at: <http://www.tojce.com/frontend/articles/pdf/v01i02/2012-1,2.pdf>
- Kiesler D.J. Therapist countertransference: In search of common themes and empirical referents. Journal of Clinical Psychology, 2001. Vol.57(8). Pp.1053-1063.
- Kovacs G.S. Impact of projective identification, shame proneness, level of empathy and self-esteem on couple relationship satisfaction. Doctoral Dissertation, California School of Professional Psychology, Los Angeles Campus: ProQuest Dissertations & Theses. 1996.
- Krause R., Luetolf P. Facial Indicators of transference processes within psychoanalytic treatment / Ed. H. Dahl et al. 1988. Pp. 241-256.
- Luborsky L., Crits-Christoph P., Mintz J., Auerbach A. Who Will Benefit From Psychotherapy. N.Y., Basic Books, 1988.
- McKay J.R. Assessing aspects of object relations associated with immune function: Development of the Affiliative Trust-Mistrust coding system. Psychological Assessment. A Journal of Consulting and Clinical Psychology, 1991. Vol.3(4). Pp. 641-647.
- Miller S.D., Hubble M.A., Chow D.L., Seidel J.A. The outcome of psychotherapy: Yesterday, today and tomorrow. Psychotherapy in Australia, 2013. Vol.50(1). Pp.88-97.
- Ogden T.H. Projective Identification and Psychotherapeutic Technique. Northvale, N.J., Jason Aronson, 1982.
- Paulson I. Projective identification in family interaction – a methodological study. Unpublished dissertation, University of Southern California, United States – California. 1978.
- Sandler J. (Ed.) Projection, identification, projective identification. Madison (CT): Intern Univ. Press. 1987.
- Scharff J.S., Scharff D.E. Object relations couple therapy. American Journal of Psychotherapy, 1997. Vol.51. Pp.141-173.
- Shestopal A.L. Empirical investigation of projective identification styles in college students. Master Thesis, University of Massachusetts Amherst, 1995.
- Weiss J., Sampson H. The psychoanalytic process: theory clinical observation and empirical research. N.Y., 1986.
- Westen D. Clinical assessment of object relations using the TAT. Journal of personality assessment, 1991. Vol.56(1). Pp.56-74.
- Zosky D.L. Projective identification as a contributor to domestic violence. Clinical Social Work Journal, 2003. Vol.31. Pp.419-431.